

Белусов М. С. Польский вопрос в дискурсе российской дореволюционной общественной мысли / М. С. Белусов, Я. С. Абдуллаев, В. А. Чикина // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 328—346. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-328-346.

Belousov, M. S., Abdullaev, Ya. S., Chikina, V. A. (2019). Polish Question in the Discourse of Russian Pre-Revolutionary Social Thought. *Nauchnyi dialog*, 10: 328-346. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-328-346. (In Russ.).



УДК 94(438).07+94(47).07/08:327.39(=81)+130.2(091)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-328-346

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ¹

© **Белусов Михаил Сергеевич (2019)**, orcid.org/0000-0002-6646-3927, ResearcherID A-9587-2015, SPIN 2384-6178, кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), m.s.belousov@gmail.com.

© **Абдуллаев Ясын Сахиб оглы (2019)**, orcid.org/0000-0001-5423-8602, ResearcherID X-7502-2019, SPIN 6448-6024, лаборант-исследователь, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), ragiev@list.ru.

© **Чикина Валентина Андреевна (2019)**, orcid.org/0000-0002-2078-5285, ResearcherID X-7495-2019, SPIN- 5637-6738, сотрудник научного архива, ВОО «Русское географическое общество» (Санкт-Петербург, Россия), chikina.spb@gmail.com.

Предпринята попытка раскрыть ключевые элементы дискурса управления этническим разнообразием в российской дореволюционной общественной мысли. Проанализированы многочисленные тексты, опубликованные представителями различных общественно-политических взглядов (западники, славянофилы, либералы, консерваторы, народники и социалисты), посвященные описанию и оценке политики российской власти в отношении национальных регионов в рассматриваемый период. Исследование проведено на основе анализа преимущественно англоязычной научной литературы. В качестве модельного региона выбрана Польша, то есть основное внимание в статье сфокусировано на польском вопросе. Выбор этой национальной окраины обусловлен следующим: с одной стороны, к ней было приковано наиболее пристальное внимание представителей российского дореволюционного общественного движения, с другой — именно эта территория была местом апробации различных практик инкорпорации со стороны российского правительства. Проведенное исследование показало, что, несмотря

1 Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России». Проект № 15-18-00119.

на разные политические взгляды и идеологические платформы, российские интеллектуалы четко определяли намерения властей, заключающиеся в постепенной интеграции периферии в общеимперское пространство, сначала в административно-правовой, а затем и культурной плоскости. Показано, что волнообразность этого процесса носила абсолютно конъюнктурный характер.

Ключевые слова: управление этническим разнообразием; российская общественная мысль; национальные окраины Российской империи; национальная политика; русификация; интеграция.

1. Введение

Вопросы, связанные с опытом управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами на территории Российской империи, не раз оказывались в центре внимания русской общественной мысли XIX — начала XX веков. В художественных и публицистических произведениях, на страницах периодической печати, в текстах публичных выступлений и лекций авторы постоянно рассуждали о политике царского правительства на имперских окраинах, критиковали и одобряли ее, отображали основные аспекты, пытались объяснить себе и другим суть происходившего, предугадать дальнейший ход развития событий и т. д. Таким образом, на протяжении долгого времени в среде российского общества формировался дискурс государственного управления национальной периферией.

2. Польский вопрос

Основным вопросом, вокруг которого выстраивалось дискуссионное поле по национальной политике в России в первой половине XIX века, был польский. В особенности это касалось Ноябрьского восстания 1830 года. В работах «придворного историографа» Н. Г. Устрялова, посвященных в том числе и периоду правления Николая I, отстаивалась позиция о необходимости «жесткого обращения» с поляками. Он писал, что сама история доказывает России, что от Польши нельзя ожидать ничего, кроме «неблагодарности и предательства» [Becker, 1986, p. 344]. Царский курс на подавление восстания и последовавший за ним Органический статут он полностью поддерживал. Анализ Сеймура Бекера показал, что не только Устрялов, но и такие историки, как Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, Н. А. Полевой и И. К. Кайданов, полагали, что Россия должна объединить все территории и народы, входившие в ее состав, под знаменем «одной веры, одного языка, законов и таможенных границ» [Becker, 1986, p. 348—349]. Соответственно, им импонировала политика Николая I. Мало того, некоторые из них считали недостаточным только административно-территориальную и правовую интеграцию польских земель и Западного края.

Устрялов и Карамзин очень много говорили о культурной русификации, в частности, о широком распространении православия вместо католицизма и униатства [Тургенев, 1989, с. 275—276].

Многие представители русской общественности 1825—1850-х годов воспринимали поведение властей в Царстве Польском и западных землях негативно. Так, польский историк Иоахим Лелевель писал, что царистский режим несет исключительную ответственность за все польско-русские конфликты [Mocha, 1972, р. 605—609]. В его репрезентации монархия придерживалась постоянного и чрезвычайно жесткого репрессивного курса по отношению к Польше. Не считая конституционные преобразования Александра I «искренними», историк тем не менее отмечал, насколько ситуация поменялась в царствование Николая I. Тиранический характер командования польской армией великим князем Константином Павловичем, репрессии против виленской студенческой молодежи, усилившиеся нарушения польской конституции — все это свидетельствовало о желании Петербурга более тесно «сблизить» окраины с центром [Попков, 1974, с. 119, 129]. В восстании 1830—1831 годов Лелевель видел протест поляков против угнетения Романовыми [Пислегин]. Связывать решение польского вопроса со свержением самодержавия также было свойственно бывшим декабристам М. С. Лунину, Н. И. Тургеневу, И. И. Горбачевскому, А. В. Поджио и Д. И. Завалишину.

Вышеописанные идеи в 1830—1850-х годов продолжил развивать А. И. Герцен (1812—1870), в своих общественно-политических взглядах проделавший эволюцию от западника до революционного демократа [Кручковский, 1993, с. 67—72]. Герцен говорил о необходимости ликвидации самодержавной власти в России и предоставления полной независимости территориям бывшей Речи Посполитой. Многие западники и близкие к их воззрениям писатели и публицисты, например, В. Г. Белинский и П. Я. Чаадаев, признавая права поляков на собственный язык и образование, не считали нужным делить империю [Stein, 1976, р. 421—422]. Таким образом, Органический статут и меры по административно-территориальной интеграции Царства Польского не могли считаться реакционными мерами. Однако противодействие поляков любым проявлениям политики по культурной унификации региона с губерниями Европейской России тем же Белинским воспринималось с симпатией. Полностью «прорусски» выдающийся критик был настроен только по отношению к украинскому национализму [Белинский, 1955, с. 44—65].

Важнейшую роль в становлении дискурса управления этническим разнообразием в России сыграл выдающийся публицист, литератор и из-

датель М. Н. Катков (1818—1887). Как отмечают некоторые западные авторы, Катков не просто освещал политику правительства в информационном пространстве, а во многом, благодаря своему значению, даже влиял на формирование ее курса. Один из самых известных консерваторов и охранителей страны выражал свои мысли и общался с публикой преимущественно посредством двух изданий — газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник». В богатой и насыщенной публицистической деятельности Каткова национальный вопрос занимал весомое место. По мнению Андреаса Реннера, «российская национальная политика, требовавшая “русификации”, была придумана снизу, а не внутри царской бюрократии», и основной вклад в это дело внес редактор «Московских ведомостей» [Renner, 2003, p. 661].

Будучи наследником «интеллектуального национализма» славянофилов и западников 1830—1840-х годов, Катков приступил к активной деятельности в этом направлении после начала «Великих реформ». Изменения, охватившие российскую жизнь, сильно повлияли на ход развития его мысли [Maioiova, 2010, p. 30—42]. На волне упомянутых событий в 1856 году Катков начинает издавать «Русский вестник», который добился немалой популярности — 7-тыс. тираж в 1862 году. Сам журнал и лично его создатель стояли на позициях того, что в центре любого общества и государства, в том числе империи, стоит «народность» — некий коллектив людей, сила, основанная на примордиализме (единство языка, культуры, исторической памяти) [Renner, 2003, p. 667]. Если же в основании державы такая доминирующая народность отсутствует, то ее будущее как минимум туманно. Например, Австро-Венгрия, как писал Катков, это «искусственное государство без нации», которому вскоре суждено рухнуть. Россию же, образованную из единого великорусского ядра, ждала другая судьба, наподобие величественности Британской империи [Renner, 2003, p. 669—670].

Как и другие европейские державы, Россия, завоевав земли с многонациональным и поликонфессиональным населением, теперь должна была их интегрировать в административном, правовом и отчасти (с сохранением в некоторых случаях автономности) культурном поле. С учетом данного контекста становится понятно, почему Катков уделял очень много внимания всем национальным вопросам в России, особенно польскому. В поляках он видел опасных соперников процессу объединения народов, проживающих на территории империи, вокруг русского базиса [Катков, 1863, с. 469—506]. Так, в Северо-Западном крае, «исторически принадлежавшем русской нации», до сих пор господствующие позиции занимала либо польская, либо полонизированная элита. Для борьбы с такого рода

явлениями Катков предлагал правительству имплементацию следующего комплекса мер: создание стандартизированных принципов управления и суда в центре и на окраинах, государственная система образования с русским языком в качестве основного, сокращение привилегий местных элит [Renner, 2000, p. 311].

Согласно взглядам автора, территории, завоеванные «реками русской крови», становились постоянным владением нации. Поэтому имперская политика обязана была быть направленной на удержание и максимально возможное инкорпорирование периферии. Концепция «целости» и «цельного государства» Каткова напоминала модель «политического национализма» европейских стран второй половины XIX века (Великобритания, Италия, Германия) — одна мощная нация объединяет вокруг себя множество этносов и народностей, которые, несмотря на разную веру и происхождение, все скреплены клятвой верности государству [Renner, 2000, p. 315—317]. Сущность польского вопроса и его решения в глазах Каткова крылась в четырех ключевых положениях: никакого независимого политического объединения поляков в составе России нет и быть не может, конфликты с Польшей носили «национальный характер», Западные губернии принадлежат империи не по праву завоевания, но по «закону природы», так как основой их населения являлась русская народность, власть и общество должны объединиться в решении национальных проблем, особенно на фоне дипломатического кризиса 1863 года [Thaden, 1984, p. 166—168].

Реннер утверждает, что новый «русский патриотизм» Каткова во многом predetermined национальную политику царизма в Привислинском крае после 1863 года. Своим агрессивным и энергичным языком, отличавшимся активным употреблением терминов *народность* и *нация*, редактору «Русского вестника» удалось создать «новый способ патриотизирования мыслей и действий» [Renner, 2003, p. 676]. Катков одним из первых в русской мысли превращает нацию в субъект. Он сделал огромный вклад в создание «общества дискурса», искусственного «мнения большинства», которое якобы поддерживало курс имперских властей. Во время подавления Январского восстания «Московские ведомости» кишели заявлениями о том, что «простые и темные люди» со всех окраин России с надеждой смотрят на борьбу русской народности против поляков [Wortman, 2013, p. 243]. «Большинство» населения — то есть крестьяне, «трудоу народ» — противопоставлялось просвещенной либеральной интеллигенции, смотревшей на судьбу Польши со снисхождением.

Такая тактика оправдания русификаторского курса использовалась впоследствии многими консерваторами, охранителями и представителями

правительственных органов [Wortman, 2000, p. 162]. Излагавшиеся в газете «День» альтернативные катковским идеи И. С. Аксакова о «внутренней», а не державной «русской нации», которые более походили на этнический, нежели политический национализм, успеха среди публики и во властных кругах не получили. Более аристократическая «Весть», в целом следовавшая трендам, заданным Катковым в «Московских ведомостях», тем не менее уделяла больше внимания дворянской части российской нации. Петербургский «Голос» полностью адаптировался к описанной концепции, также подчеркивая важность ядра гетерогенной нации в виде русской народности [McReynolds, 1991, p. 32—40; Renner, 2003, p. 678].

Новизна взглядов Каткова на управление этническим разнообразием в России и их отличие от славянофильских еще более подчеркивались отношением публициста к идеям панславизма. Иначе, чем спорными, их назвать было нельзя. Хотя он и поддерживал точку зрения о гегемонии России в славянском мире и считал необходимым объединение всех славян вокруг Российской империи, реализация концепции «панславистской федерации» в действительности ему казалась невозможной. Во внешней политике Катков призывал царизм заботиться в первую очередь об интересах своей страны, постоянно дискутируя с Иваном Аксаковым и Николаем Данилевским [Morrison, 1968, p. 439—441].

Р. Уортман полагает, что именно Катков с Победоносцевым оказали наибольшее влияние на Александра III в его желании усилить позиции самодержавного режима. Критикуя в 1870-х годах Александра II за излишнюю мягкость и заигрывание с либералами, Катков побуждал нового царя не считаться с окраинными сепаратистами и революционным элементом. Идея территориальной целостности российского государства и единства всех народов империи вокруг этнически русского царя в 80—90-е годы XIX века начала символически ассоциироваться с допетровской Русью, на которую ссылались как на образец [Wortman, 2013, p. 245]. Описываемую выше ситуацию с Прибалтикой Катков также определял как противостояние между русским и германским началом, призывая власть, с одной стороны, активнее воздействовать на эстонцев и латышей, с другой, пресекать всякие попытки их германизации со стороны остзейской знати [Morrison, 1968, p. 428].

Катков легитимизировал репрессии против польского меньшинства, оправдывая их мнением «большинства» российского общества и народа. Он защищал единство России, поляризуя жителей ее окраин. Соединяя национализм с его крупнейшим конкурентом, имперским патриотизмом, Катков выражал сожаление по поводу предполагаемой дискриминации российской народности в своем собственном государстве. То, что было цар-

ской политикой, Катков назвал национальной политикой; то, что считалось единством империи, он обозначил как политическую нацию элит [Renner, 2000, p. 120—129]. Хотя эта нация сформировалась из русской народности, она включала в себя другие народности с равными (кроме политических) правами в рамках единого современного государства. Политическая национальность, таким образом, заменила самодержавие как двигатель русской истории, а также как цель политики. На первый взгляд, публичный дискурс о национальной политике бросил вызов традиционной практике интеграции только в области детализации и интенсивности, однако перспективы изменились. Общественность начала не только обсуждать правительственный курс и «вопросы патриотизма», но и придавать им различное значение, приняв новую, национальную точку зрения [Renner, 2000, p. 131].

Активному обсуждению управление этническим разнообразием подвергалось в известном российском литературно-политическом («толстом») журнале «Вестник Европы». А. Погорелкин в своих исследованиях концентрирует огромное внимание на данном издании, называя его одним из главных рупоров общественной мысли либеральной ориентации в России [Pogorelskin, 1987, p. 87—88]. В частности, ею было изучено отношение редакции и различных авторов журнала к ситуации на территориях бывшего Царства Польского в 1866—1881 годах.

М. М. Стасюлевич (1826—1911), историк-медиевист, ранее преподававший на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Петербургского университета, являлся бессменным редактором «Вестника Европы» с 1866 по 1908 годов. Стасюлевич взял на себя обязательство выпустить журнал именно тогда, когда враждебность к Польше у российской публики была особенно острой. В редакционный круг издания входили лица с репутацией «заслуженных полюсфилов». Среди них были В. Д. Спасович, сам поляк по происхождению, открыто осудивший жестокое подавление Январского восстания 1863 года, и К. Д. Кавелин, оказавший поддержку публикации польской газеты «Слово» в Петербурге в 1858 году России [Pogorelskin, 1987, p. 90]. Исключением оказался разве что только Н. И. Костомаров (1817—1885). И правительство, и общественность имели достаточно доказательств его неприязни к полякам. Лекции Костомарова по русской истории изобиловали антипольскими высказываниями. Его присутствие в журнале могло несколько смягчить отношение властей к «Вестнику Европы».

Катков практически сразу же отреагировал на появление журнала, осудив «масонское братство», которое «пробуждает и поддерживает политическую значимость различных национальностей». При этом в 1866—

1869 годах основные работы по Польше и польскому вопросу в «Вестнике Европы» писал Костомаров, чья «борьба с польскими пропагандистами» восхищала редактора «Московских ведомостей». В сущности, именно исторические очерки Костомарова о Смутном времени, казаках и Речи Посполитой XVII века инициировали первоначальный успех журнала у публики. В них он достаточно жестко высказывался о поляках, причем со временем тон историка становился все более резким. Так, ответственность за гибель Речи Посполитой, по мнению Костомарова, лежала на самих поляках, причем и на шляхте, и на простом народе, которые «пили или играли в азартные игры, спустили деньги на ветер, а не потратили их на благо государства» России [Pogorelskin, 1987, p. 92].

В 1869 году Н. И. Костомаров ушел из редакции «Вестника Европы». Его взгляды, хотя и не касавшиеся польского вопроса в политическом смысле, противоречили преимущественно полонофильским настроениям Стасюлевича, Спасовича и др. С начала 1870-х годов, когда истерия из-за восстания 1863 года в обществе практически сошла на нет, журнал начал затрагивать вопросы, непосредственно связанные с имперской политикой в Польше [Martinsen, 1997, p. 132].

Тем не менее этот поворот оказался очень осторожным. «Вестник Европы» никогда не оспаривал правительственную программу централизации, которая в 1870-х годах создала «совершенно новый российский административный аппарат для Царства Польского» [Pogorelskin, 1987, p. 93]. Современники внимательно подметили изменения, направленные на более полную законодательную интеграцию региона в состав империи. Журнал ограничил свою критику осуждением культурной русификации Польши. Позиция «Вестника Европы» нашла свое отражение в его кампании против графа Д. А. Толстого.

Будучи обер-прокурором Синода и министром народного просвещения, Толстой пытался преобразовать православную церковь и образовательную систему страны. В 1869 и 1871 годах он способствовал введению русского языка в качестве языка преподавания в средних и начальных учебных заведениях Царства Польского. Катков называл «Вестник Европы» «постоянным органом противодействия мерам», принимаемым могущественным чиновником. По мнению Погорелскин, вражда между изданием и Толстым по польскому вопросу была продолжением конфликта, ранее развернувшегося вокруг реформы образования 1871 года. Стасюлевич проявил себя противником системы расширения изучения древних языков и поступления в университеты выпускников только классических гимназий [Pogorelskin, 1987, p. 93].

В 1872 году М. П. Драгоманов опубликовал в «Вестнике Европы» статью под названием «Восточная политика Германии и обрусение» [Драгоманов, 1908, с. 1—216]. Анализируя национализаторский подход немцев в Познани, Драгоманов хотел в сравнительной перспективе показать, что действия российских властей в Польше не приведут к положительному результату. Напротив, они пошатнут позиции Российской империи в регионе, чем не преминет воспользоваться Германия [Rogosin, 1966, p. 280]. К критике попыток культурной унификации Толстого присоединился также и В. Д. Спасович, называя их путем к «полнейшему <...> уничтожению национальности (поляков. — М. Б., Я. А., В. Ч.)».

Осуждая официальный курс Петербурга в области языка и образования, редакция журнала широко поддерживала активизировавшееся в то время в Польше движение так нахываемого «варшавского позитивизма». Историк Б. А. Павлович писал, что авторы «Варшавского литературного ежегодника» «начинают говорить об искреннем сближении поляков с Россией». Он призывал «не искоренять искры этого нового направления», предлагая дать Варшаве «ту долю свободы прессы, которой пользуются Москва и Санкт-Петербург». Еще сильнее польских позитивистов на страницах «Вестника» поддерживал Л. Г. Лопатинский; по его мнению, они стремились к разумной культурной и экономической реконструкции Польши и мирному существованию в составе российского государства [Martinsen, 1997, p. 141].

В июле 1873 года «Вестник Европы» получил второе официальное предупреждение от правительства. Стасюлевич, понимавший, что продолжение критики властей может привести к закрытию издания, на долгое время прекратил обсуждение этой темы в печати. Если не принимать во внимание спорадические упоминания о позиции поляков по отношению к балканским славянам во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов [The Balkan Crisis of 1875—78 and Russia, 2015, p. 186], польский вопрос оставался «закрытым» вплоть до установления «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова.

Кратковременная либерализация государства и общества в 1880 году позволила снова заговорить о проблеме германизации. Как и Драгоманов до него, А. Н. Пыпин, ненадолго ставший де-факто главным редактором «Вестника Европы», опубликовал в журнале ряд работ, посвященных усилению германского влияния среди славян Центральной и Восточной Европы [Пыпин, 1878, с. 312—353; Пыпин, 1880, с. 703—736]. Одобряя административно-правовое встраивание Царства Польского в общероссийское пространство, Пыпин призывал отказаться от притеснения польского

языка и политики культурной гомогенизации. На этот раз он обратился и к российским консерваторам, в частности, вспомнил закрытие журнала «Время» братьев Достоевских за публикацию якобы «пропольской» статьи Страхова в 1863 году (подробнее об этом см. ниже) [Страхов, 1863, с. 152—163]. Однако его старания не обернулись успехом. Практически сразу на работы Пыпина последовала реакция Каткова, совершенно негативная [Pogorelskin, 1987, p. 100—102].

В целом взгляды представителей либеральной публицистики на польский вопрос в 1860—1880-х годах, хотя и несколько отличались, всегда сходились в одном — Польша должна продолжать оставаться в составе Российской империи [Кудряшев, 2018, с. 97—103]. Видный деятель данного направления, известный правовед, историк и публицист Б. Н. Чичерин (1828—1904), в 1863 году предлагавший ввести в Царстве Польском диктатуру для водворения порядка, к 1870-м стал критиком репрессивного курса правительства [Чичерин, 1899, с. 21]. Он осуждал политику насильственной русификации и вытеснения польского языка и даже сравнивал ее с османским игом в Греции [Малинова, 2000, с. 85—88]. Называл российское владычество в регионе «бессмысленным и отвратительным» также и К. Д. Кавелин. При всей критичности оценки пребывания Польши в составе России либералы не видели ему реальных альтернатив и выступали против каких-либо радикальных мер. В. С. Соловьев даже писал, что только благодаря усилиям русской армии полякам удалось сохранить свое «историческое тело» — взгляды Соловьева на польский вопрос во многом исходили из его философской концепции отношений между Западом и Востоком [Соловьев, 1989, с. 269], при этом историк А. Валицкий определяет их как «непреренно либеральные» [Walicki, 1992, p. 189—210]. Убийство Александра II в марте 1881 года на долгое время изъяло польский вопрос из публичного дискурса либеральной общественной мысли.

В консервативной мысли пореформенного периода отношение к полякам оставалось перманентно негативным под влиянием событий 1863 года. Зачастую, как пишет Р. Пайпс, Январское восстание трактовалось как атака Запада на Россию, а потому еще более обостряло осознание русских «национальных черт» [Пайпс, 2008, с. 173]. А. Э. Котов, рассматривавший эволюцию дискурса польского вопроса на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» в 1862—1864 годах, приходит к выводу, что негативное отношение некоторых консерваторов по данному поводу определялось антипатией не к польской народности, но к модели сословного устройства поляков [Котов, 2019, с. 258—272].

В данном случае можно упомянуть Ивана Аксакова, который после 63-го года резко отказался от идей, связанных с польской независимостью. Весь свой авторитет известный славянофил-консерватор направил на открытую поддержку имперского репрессивного курса [Аксаков, 1900, с. 467—511]. Поляки, по его мнению, должны были проявить «покорность и верность», «признать необходимость единства верховенства русско-го государственного начала» [Weeks, 2004, p. 488]. Исследователь жизни и творчества Аксакова С. Лукашевич пишет, что тот был полностью согласен с программой административной и культурной русификации Польши. Один из главных интеллектуалов своей эпохи требовал растворить поляков в русской массе, иначе они поступят аналогичным образом со славянским населением Украины и Белоруссии. Помимо прочего, это способствовало бы усилению «славянского племени», руководимого Россией, в борьбе с набирающей обороты Германией [Lukashevich, 1965, p. 123—127].

По словам Э. Божановски, Ф. М. Достоевского (1821—1881) образца 1863 года еще нельзя в полном смысле слова назвать «консервативным националистом». Апеллируя к работам Д. Франка, она утверждает, что метаморфозы в политическом мировоззрении писателя не переставали происходить даже после того, как он вернулся из ссылки [Bojanowska, 2012, p. 18—19; Frank, 1983, p. 87—88]. Так, поводом для закрытия издававшегося Федором и Михаилом Достоевскими журнала «Время» (1861—1863) стала статья Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», посвященная русско-польским отношениям. Государством она была воспринята как глубоко антипатриотичная и противоречащая настоящим интересам империи. А. Валицкий даже сравнивал эффект от публикации «Рокового вопроса» с влиянием на русскую общественность «Философических писем» П. Я. Чаадаева [Walicki, 2005, p. 88].

Божановска склонна считать, что дело было в несколько ином понимании «империи» Достоевским и Страховым в отличие от консервативно-охранительного дискурса. На момент подавления Январского восстания официальный курс в их глазах ассоциировался с ненужным для «истинного счастья» страны экспансионизмом и жестокостью [Bojanowska, 2012, p. 20]. В записной книжке за 1863—1864 годы Достоевский писал, что связать Россию и Польшу «неразрывной цепью» можно только посредством освобождения польских крестьян и раздачи им земли. Со временем автор все больше упоминает первостепенную важность сохранения целостности империи, надвигающуюся войну между католицизмом и православием, в связи с чем позиции последнего в Привислинском крае должно усилить. При этом специфика консервативно-националистических взглядов Досто-

евского заключалась в том, что он всегда стремился отторгнуть насилие. В отрывке из «Дневника писателя» за 1873 год, рассуждая о цене сохранения державы, писатель призывает тратить больше бюджетных средств не на армию, а на образование. Праздничные заметки относительно взятия крепости Геок-Тепе в 1881 году полны мыслей, оправдывающих цивилизаторскую миссию России на Востоке, что избавит ее от необходимости вести кровавые войны с развитыми государствами на Западе [Bojanowska, 2012, p. 21—22].

Спад активного сопротивления в Привислинском крае в 1880—1890-х годах воспринимался многими консерваторами как признак угасания «национального потенциала» поляков. Русификаторский курс Александра III, заключавшийся в вытеснении польского языка, ограничении прав землевладения шляхты и административно-территориальных преобразованиях, находил полную поддержку среди правых [Кудряшев, 2013, с. 360—376]. Именно на рубеже XIX века начали широко распространяться надежды различного рода националистов, связанные с возможной успешностью вовлечения Польши в общеимперское государственно-правовое пространство и даже с ее культурной ассимиляцией [Yaney, 1973, p. 323—329]. Ослабление польского «национального элемента» также должно было подтолкнуть правительство к принятию более интенсивных мер в отношении коренных жителей Западного края. Победа в русско-польском противостоянии давала реальную возможность русификации малорусов, белорусов и литовцев, более широкому распространению среди них русского языка и замены, там, где существовала необходимость, католичества и униатства православием [Weeks, 2001, p. 105—109].

Как указывалось выше, либеральная общественность не мыслила Польшу вне России, при этом они считали принятую на исходе 1890-х—1900-х годов политику государства радикальной и осуждали ее [Кудряшев, 2013, с. 385—397]. По их мнению, экономическая модернизация и развитие институтов местного самоуправления гораздо успешнее справились бы с той задачей, с которой в Петербурге предпочитали разбираться принудительными методами, — интеграцией территорий бывшего Царства Польского в состав Российской империи [Yaney, 1973, p. 314]. Сохранение Николаем II политики своего отца в ближайшей перспективе могло лишь помешать естественному процессу слияния западной окраины с великорусским центром, возродив среди поляков традиции «романтического бунта». Революция 1905—1907 годов, особенно ярко развернувшаяся в пределах Польши (Лодзинское восстание, «Кровавая среда» и др.), во многом подтвердила данные предположения [Weeks, 1994, p. 293—299]. В целом придержи-

ваясь концепции борьбы с полонизмом в Западном и Юго-Западном краях, российские либералы не полагали нужным полностью сливать малорусское и белорусское население по великорусскому образцу, рассматривая их как одну из «равных ветвей общерусского народа» [Weeks, 1994, p. 295]. Тем не менее речи о политической автономии Малороссии в их дискурсе не шло.

5. Заключение

Таким образом, на примере Царства Польского мы видим, что отношение русской общественной мысли к политике управления этническим разнообразием в России в 1825—1905 годах носило неоднородный характер. В зависимости от приверженности к той или иной идейно-политической платформе, взгляды общественности на данный вопрос резко отличались. Так, правые и консерваторы поддерживали курс на административно-правовое и культурное выравнивание национальных окраин по общеимперским стандартам. Либеральная мысль, не отрицавшая пользы единого законодательства, суда и органов администрации для всех территорий империи без исключения, протестовала против любых попыток притеснения языка, культуры и обычаев местного населения со стороны петербургских властей. Революционные демократы и социалисты отстаивали права наций на самоопределение, начиная от автономного статуса в составе федерации и заканчивая предоставлением государственной независимости. При этом необходимо иметь в виду, что в стане условных консервативного, либерального и социалистического «лагерей» не было полного единства. Например, позиции славянофилов и панславистов, националистов, отстаивавших интересы «большой русской нации» и «имперских консерваторов», главной целью которых являлось сохранение единого российского государства, заметно различались. Либералы дискутировали по многим вопросам, связанным с положением национальных языков и экономическим развитием окраин.

Несмотря на все различия, дискурс управления этническим разнообразием в России базировался на едином представлении о последовательном углублении политики по унификации окраинных территорий с имперским центром. Российская общественность четко фиксировала переходы правительства от невмешательства в дела региона сперва к его инкорпорированию в административное и законодательное «тело» империи, а после к культурной унификации. Обратной стороной данного процесса являлась его волнообразность, так как власть иногда оказывалась вынуждена делать паузы и сворачивать преобразования по выбранному курсу в силу внутри-

или внешнеполитической конъюнктуры, нехватки людских и финансовых ресурсов. Описанному свойству давались разные оценки: консерваторы считали, что центр лишь ждет удобного момента для осуществления полной интеграции; либералы — что у него банально недостаточно сил для реализации своих целей. При этом представители всех течений общественно-политического спектра совершенно ясно выделяли его как одну из важнейших характеристик исторического опыта управления этническим многообразием и этноконфессиональными конфликтами в дореволюционной России.

Источники

1. *Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова / И. С. Аксаков. — Санкт-Петербург : Императорская Публичная библиотека, 1900. — Том 3 : Польский вопрос и западно-русское дело; Еврейский вопрос : 1860—1866 : статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». — 581 с.
2. *Белинский В. Г.* История Малороссии Николая Маркевича / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 7. Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843—1846. — Москва : Издательство АН СССР, 1955. — С. 44—65.
3. *Драгоманов М. П.* Восточная политика германии и обрусение / М. П. Драгоманов // Собрание политических сочинений. — Москва : Типография Товарищества П. Д. Сытина, 1908. — Т. 1 : Центры и окраины. — С. 1—216.
4. *Катков М. Н.* Что нам делать с Польшей? / М. Н. Катков // Русский вестник. — 1863. — № 44. — С. 469—506.
5. *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1878. — № 9. — С. 312—353.
6. *Пыпин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1880. — № 2. — С. 703—736.
7. *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. Т. 1. — Москва : Правда, 1989. — 687 с.
8. *Страхов Н. Н.* Роковой вопрос (заметка по поводу польского вопроса) / Н. Н. Страхов // Время. — 1863. — № 4. — С. 152—163.
9. *Тургенев Н. И.* Россия и русские / Н. И. Тургенев // Русские мемуары. 1800—1825. — Москва : Правда, 1989. — С. 241—329.
10. *Чичерин Б. Н.* Польский и еврейский вопросы : ответ на открытые письма Н. К. Ренненкампа / Б. Н. Чичерин. — Берлин : Издательство Гуго Штейнц, 1899. — 56 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котов А. Э.* Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862—1864 годы) / А. Э. Котов // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 258—272. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-8-258-272.
2. *Кручковский Т. Т.* Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX — начала XX вв. / Т. Г. Кручковский // Славяноведение. — 1993. — № 5. — С. 67—72.

3. *Кудряшев В. Н.* Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века : диссертация ... доктора исторических наук / В. Н. Кудряшев. — Томск, 2013. — 591 с.
4. *Кудряшев В. Н.* Польский вопрос в русской либеральной публицистике 1860—1880-х годов / В. Н. Кудряшев // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 431. — С. 97—103.
5. *Малинова О. Ю.* Либеральный национализм (середина XIX — начало XX века) / О. Ю. Малинова. — Москва : РИК Русанова, 2000. — 254 с.
6. *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры / Р. Пайпс. — Москва : Новое издательство, 2008. — 249 с.
7. *Пилегин Н. В.* Польский вопрос в общественной мысли России 10—60-х годов XIX века. [Электронный ресурс] / Н. В. Пилегин. — Режим доступа : http://www.hrono.ru/statii/arhiv/st_p.php.
8. *Попков Б. С.* Польский ученый и революционер И. Лелевель / Б. С. Попков. — Москва : Наука, 1974. — 209 с.
9. *Becker S.* Contributions to a Nationalist Ideology : Histories of Russia in the First Half of the Nineteenth Century / S. Becker // *Russian History*. — 1986. — Vol. 13, No. 4. — P. 331—353.
10. *Bojanowska E. M.* Empire by Consent : Strakhov, Dostoyevskii and the Polish Uprising of 1863 / E. M. Bojanowska // *Slavic Review*. — 2012. — Vol. 71, No. 1. — P. 1—24.
11. *Frank J.* Dostoyevsky : The Years of Ordeal, 1850—1859 / J. Frank. — Princeton : Princeton University Press, 1983. — 336 p.
12. *Lukashevich S.* Ivan Aksakov, 1823—1886 : A Study in Russian Thought and Politics / S. Lukashevich. — Harvard : Harvard University Press, 1965. — 203 p.
13. *Maiorova O.* From the Shadow of Empire : Defining the Russian Empire through Cultural Mythology, 1855—1870 / O. Maiorova. — Madison : University of Wisconsin Press, 2010. — 277 p.
14. *Martinsen D. A.* Literary Journals in Imperial Russia / D. A. Martinsen. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 284 p.
15. *McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime : The Development of Mass-Circulation Press / L. McReynolds. — Princeton : Princeton University Press, 1991. — 328 p.
16. *Mocha F.* The Karamzin-Lelewel Controversy / F. Mocha // *Slavic Review*. — 1972. — Vol. 31, No. 3. — P. 592—610.
17. *Morrison J. D.* Katkov and Panslavism / J. D. Morrison // *Slavonic and East European Review*. — 1968. — Vol. 46, No. 107. — P. 422—441.
18. *Pogorelskin A.* Poriadok and the War Among Russian Newspapers in 1881 / A. Pogorelskin // *Canadian-American Slavic Studies*. — 1983. — Vol. 17, No. 2. — P. 257—276.
19. *Pogorelskin A.* Vestnik Evropy and the Polish Question in the Reign of Alexander II / A. Pogorelskin // *Slavic Review*. — 1987. — Vol. 47, No. 1. — P. 87—105.
20. *Renner A.* Defining a Russian Nation : Mikhail Katkov and the 'Invention' of National Politics / A. Renner // *Slavonic and East European Review*. — 2003. — Vol. 81, No. 4. — P. 659—682.
21. *Renner A.* Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich, 1855—1875 / A. Renner. — Cologne : Bohlau Koln, 2000. — 447 p.
22. *Rogosin B. I.* The Politics of Mikhail P. Dragomanov : Ukrainian Federalist and the Question of Political Freedom in Russia : Ph. D. Dissertation / B. I. Rogosin. — Harvard, 1966. — 329 p.

23. *Stein H. F.* Russian Nationalism and the Divided Soul of the Westernizers and Slavophiles / H. F. Stein // *Ethos*. — 1976. — Vol. 4, No. 4. — P. 403—438.
24. *Thaden E.* Russia's Western Borderlands, 1710—1870 / E. Thaden. — Princeton : Princeton University Press, 1984. — 292 p.
25. *The Balkan Crisis of 1875—78 and Russia : Between Humanitarianism and Pragmatism* // Heraclides A., Dialla A. Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century : Setting the Precedent. — Manchester : Manchester University Press, 2015. — P. 169—196.
26. *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism / A. Walicki. — London : University of Notre Dame Press, 1992. — 477 p.
27. *Walicki A.* The Slavophile Thinkers and the Polish Question in 1863 / A. Walicki // Ransel D. L., Shallcross B. Polish Encounters, Russian Identity. — Bloomington : Indiana University Press, 2005. — P. 88—100.
28. *Weeks Th. R.* Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government at the Turn of the Century / Th. R. Weeks // *Journal of Baltic Studies*. — 1994. — Vol. 25, No. 4. — P. 289—304.
29. *Weeks Th. R.* Russification and the Lithuanians, 1863—1905 / Th. R. Weeks // *Slavic Review*. — 2001. — Vol. 60, No. 1. — P. 96—114.
30. *Weeks Th. R.* Russification : Word and Practice, 1863—1914 / Th. R. Weeks // *Proceedings of the American Philosophical Society*. — 2004. — Vol. 148, No. 4. — P. 471—489.
31. *Wortman R.* Russian Monarchy : Representation and Rule / R. Wortman. — Boston : Academic Studies Press, 2013. — 334 p.
32. *Wortman R.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy / R. Wortman. — Princeton : Princeton University Press, 2000. — Vol. 2. — 580 p.
33. *Yaney G.* The Systemization of Russian Government : Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905 / G. Yaney. — Urbana : University of Illinois Press, 1973. — 430 p.

POLISH QUESTION IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY SOCIAL THOUGHT¹

© **Mikhail S. Belousov (2019)**, orcid.org/0000-0002-6646-3927, ResearcherID A-9587-2015, SPIN 2384-6178, PhD in History, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University” (St. Petersburg, Russia), m.s.belousov@gmail.com.

© **Yasyn S. Abdullaev (2019)**, orcid.org/0000-0001-5423-8602, ResearcherID X-7502-2019, SPIN 6448-6024, Laboratory Assistant, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University” (St. Petersburg, Russia), ragiev@list.ru.

¹ The study was carried out under a grant from the Russian Science Foundation. Topic: “The historical experience of managing ethnic diversity and ethno-confessional conflicts in imperial, Soviet, and post-Soviet Russia.” Project № 15-18-00119.

© **Valentina A. Chikina (2019)**, orcid.org/0000-0002-2078-5285, ResearcherID X-7495-2019, SPIN 5637-6738, Scientific Archive Researcher, Russian Geographical Society (St. Petersburg, Russia), chikina.spb@gmail.com..

An attempt is made to reveal the key elements of the discourse of ethnic diversity management in Russian pre-revolutionary social thought. Numerous texts published by representatives of various sociopolitical views (Westerners, Slavophiles, liberals, conservatives, populists and socialists) devoted to the description and assessment of the policy of the Russian government in relation to national regions in the period under review are analyzed. The study was conducted on the basis of the analysis of mainly English-language scientific literature. Poland was chosen as a model region, that is, the main attention in the article is focused on the Polish question. The choice of this national outskirts is due to the following: on the one hand, it compelled the most close attention of representatives of the Russian pre-revolutionary social movement, and on the other, this territory was the place of testing of various incorporation practices by the Russian government. The study showed that, despite different political views and ideological platforms, Russian intellectuals clearly defined the intentions of the authorities, which consisted in the gradual integration of the periphery into the common imperial space, first on the administrative-legal, and then the cultural field. It is shown that the undulating nature of this process was absolutely opportunistic.

Key words: management of ethnic diversity; Russian public thought; national outskirts of the Russian Empire; national policy; Russification; integration.

MATERIAL RESOURCES

- Aksakov, I. S. (1900). *Sochineniya I. S. Aksakova. 3: Polskiy vopros i zapadno-russkoye delo; Evreyskiy vopros: 1860—1866: statyi iz «Dnya», «Moskvu», «Moskvicha» i «Rusi»*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Publichnaya biblioteka. (In Russ.).
- Belinskiy, V. G. (1955). Istoriya Malorossii Nikolaya Markevicha. In: *Polnoye sobraniye sochineniy. 13/7. Statyi i retsenzii. 1843. Statyi o Pushkine. 1843—1846*. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 44—65. (In Russ.).
- Chicherin, B. N. (1899). *Polskiy i evreyskiy voprosy: otvet na otkrytye pisma N. K. Rennenkampfa*. Berlin: Izdatelstvo Gugo Shteynts. (In Russ.).
- Dragomanov, M. P. (1908). Vostochnaya politika germanii i obruseniye. In: *Sobraniye politicheskikh sochineniy. 1: Tsenry i okrainy*. Moskva: Tipografiya Tovarishestva P. D. Sytina. 1—216. (In Russ.).
- Katkov, M. N. (1863). Chto nam delat' s Polshey? *Russkiy vestnik*, 44: 469—506. (In Russ.).
- Pypin, A. N. (1878). Panslavizm v proshlom i nastoyashchem. *Vestnik Evropy*, 9: 312—353. (In Russ.).
- Pypin, A. N. (1880). Polskiy vopros v russkoy literature. *Vestnik Evropy*, 2: 703—736. (In Russ.).
- Solov'ev, V. S. (1989). Natsionalnyy vopros v Rossii. In: *Sochineniya. 2/1*. Moskva: Pravda. (In Russ.).
- Strakhov, N. N. (1863). Rokovoy vopros (zametka po povodu polskogo voprosa). *Vremya*, 4: 152—163. (In Russ.).
- Turgenev, N. I. (1989). Rossiya i russkiye. In: *Russkiye memuary. 1800—1825*. Moskva: Pravda. 241—329. (In Russ.).

REFERENCES

- Becker, S. (1986). Contributions to a Nationalist Ideology: Histories of Russia in the First Half of the Nineteenth Century. *Russian History*, 13/4: 331—353.
- Bozhanowska, E. M. (2012). Empire by Consent: Strakhov, Dostoevskii and the Polish Uprising of 1863. *Slavic Review*, 71/1: 1—24.
- Frank, J. (1983). *Dostoyevsky: The Years of Ordeal, 1850—1859*. Princeton: Princeton University Press.
- Kotov, A. E. (2019). Polish Problem in “Bulletin of South-Western and Western Russia” Journal (1862—1864). *Nauchnyi dialog*, 8: 258—272. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-258-272. (In Russ.).
- Kruchkovskiy, T. T. (1993). Problemy razdelov Rechi Pospolitoj v russkoy istoriografii vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv. *Slavyanovedeniye*, 5: 67—72. (In Russ.).
- Kudryashev, V. N. (2013). *Natsionalnyy vopros v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii vtoroy poloviny XIX veka*: dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk. Tomsk. (In Russ.).
- Kudryashev, V. N. (2018). Polskiy vopros v russkoy liberalnoy publitsistike 1860—1880-kh godov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 431: 97—103. (In Russ.).
- Lukashevich, S. (1965). *Ivan Aksakov, 1823—1886: A Study in Russian Thought and Politics*. Harvard: Harvard University Press.
- Maiorova, O. (2010). *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Empire through Cultural Mythology, 1855—1870*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Malinova, O. Yu. (2000). *Liberalnyy natsionalizm (seredina XIX — nachalo XX veka)*. Moskva: RIK Rusanova. (In Russ.).
- Martinsen, D. A. (1997). *Literary Journals in Imperial Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McReynolds, L. (1991). *The News under Russia's Old Regime: The Development of Mass-Circulation Press*. Princeton: Princeton University Press.
- Mocha, F. (1972). The Karamzin-Leleweil Controversy. *Slavic Revijew*, 31/3: 592—610.
- Morrison, J. D. (1968). Katkov and Panslavism. *Slavonic and East European Review*, 46/107: 422—441.
- Payps, R. (2008). *Russkiy konservatizm i yego kritiki. Issledovaniye politicheskoy kultury*. Moskva: Novoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Pislegin, N. V. *Polskiy vopros v obshchestvennoy mysli Rossii 10—60-kh godov. XIX veka*. Available at: http://www.hrono.ru/statii/arhiv/st_p.php. (In Russ.).
- Pogorelskin, A. (1983). Poriadok and the War Among Russian Newspapers in 1881. *Canadian-American Slavic Studies*, 17/2: 257—276.
- Pogorelskin, A. (1987). Vestnik Evropy and the Polish Question in the Reign of Alexander II. *Slavic Review*, 47/1: 87—105.
- Popkov, B. S. (1974). *Polskiy uchenyy i revolyutsioner I. Lelevel*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Renner, A. (2000). *Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich, 1855—1875*. Cologne: Bohlaus Verlag. (In Germ.).
- Renner, A. (2003). Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the ‘Invention’ of National Politics. *Slavonic and East European Review*, 81/4: 659—682.
- Rogosin, B. I. (1966). *The Politics of Mikhail P. Dragomanov: Ukrainian Federalist and the Question of Political Freedom in Russia: Ph. D. Dissertation*. Harvard.

- Stein, H. F. (1976). Russian Nationalism and the Divided Soul of the Westernizers and Slavophiles. *Ethos*, 4/4: 403—438.
- Thaden, E. (1984). *Russia's Western Borderlands, 1710—1870*. Princeton: Princeton University Press.
- The Balkan Crisis of 1875—78 and Russia: Between Humanitarianism and Pragmatism (2015). In: Heraclides, A., Dialla, A. *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. Manchester: Manchester University Press. 169—196.
- Walicki, A. (1992). *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. London: University of Notre Dame Press.
- Walicki, A. (2005). The Slavophile Thinkers and the Polish Question in 1863. In: Ransel, D. L., Shallcross, B. *Polish Encounters, Russian Identity*. Bloomington: Indiana University Press. 88—100.
- Weeks, Th. R. (1994). Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government at the Turn of the Century. *Journal of Baltic Studies*, 25/4: 289—304.
- Weeks, Th. R. (2001). Russification and the Lithuanians, 1863—1905. *Slavic Review*, 60/1: 96—114.
- Weeks, Th. R. (2004). Russification: Word and Practice, 1863—1914. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 148/4: 471—489.
- Wortman, R. (2000). *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. 2. Princeton: Princeton University Press.
- Wortman, R. (2013). *Russian Monarchy: Representation and Rule*. Boston: Academic Studies Press.
- Yaney, G. (1973). *The Systemization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905*. Urbana: University of Illinois Press.